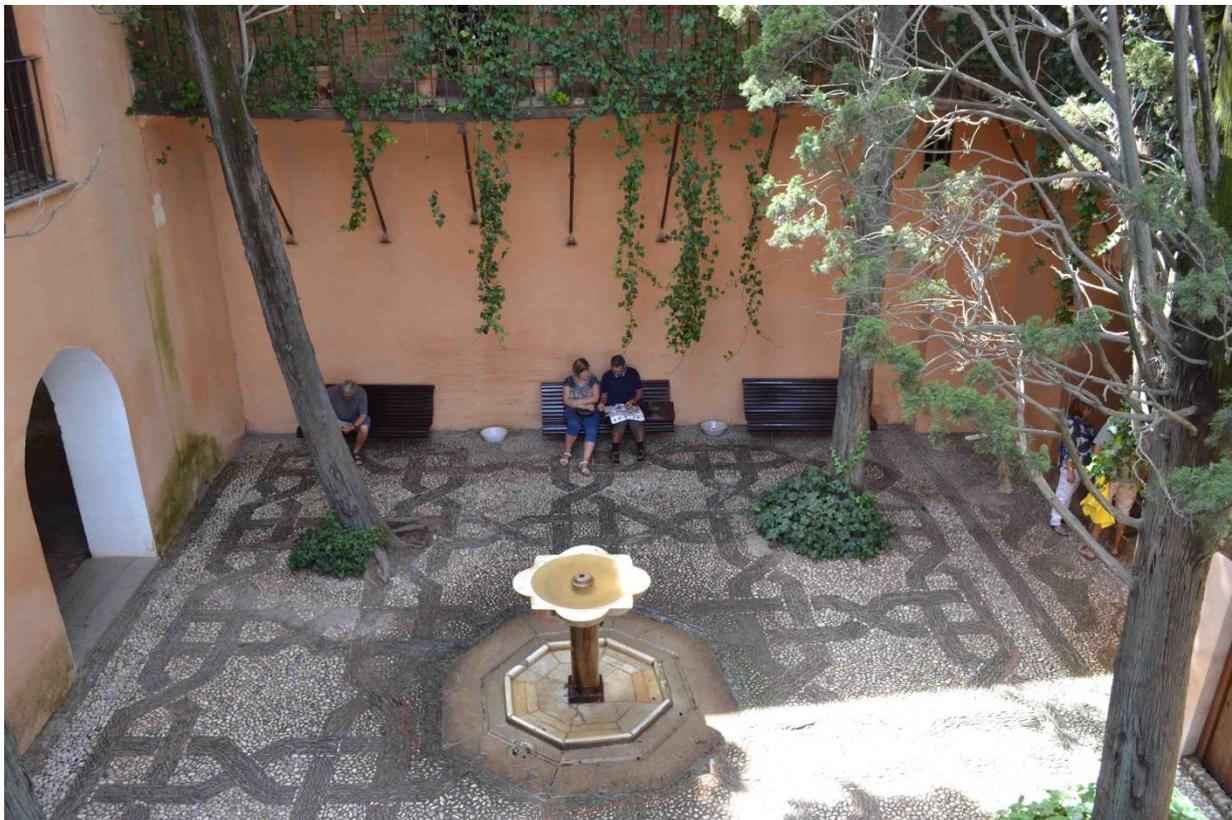

Побег от стужи. Гранада, ч. 6. Сады Альгамбры. Генералифе

Сразу выбраться из дворца, однако, не удалось.

Сначала мы попали во **Двор Решетки**, или **Кипарисовый**.

В 1528—1537 гг. Педро Мачука пристроил к дворцу шесть комнат для императора Карла V, в которых он жил с императрицей, пока строился тем же архитектором его большой дворец. Тогда же между ними, стеной и зданием бань был создан этот дворик, получивший название по решетке балкона на южной стене, сделанного в 1654—1655 гг. для прохода между дворцом Комарес и покоями императора. «Посередине находится мраморный фонтанчик, по четырем углам — столетние кипарисы».

Спасибо Педро Мачуке, смотреть тут не на что, можно просто отдохнуть от концентрированной красоты дворца. Собственно, для этого он и предназначен: тут туалеты.

А между покоями Карла и Дворцом Львов возник дворик Линдараха, куда выходят окна балкончика «Глаза султанши»:

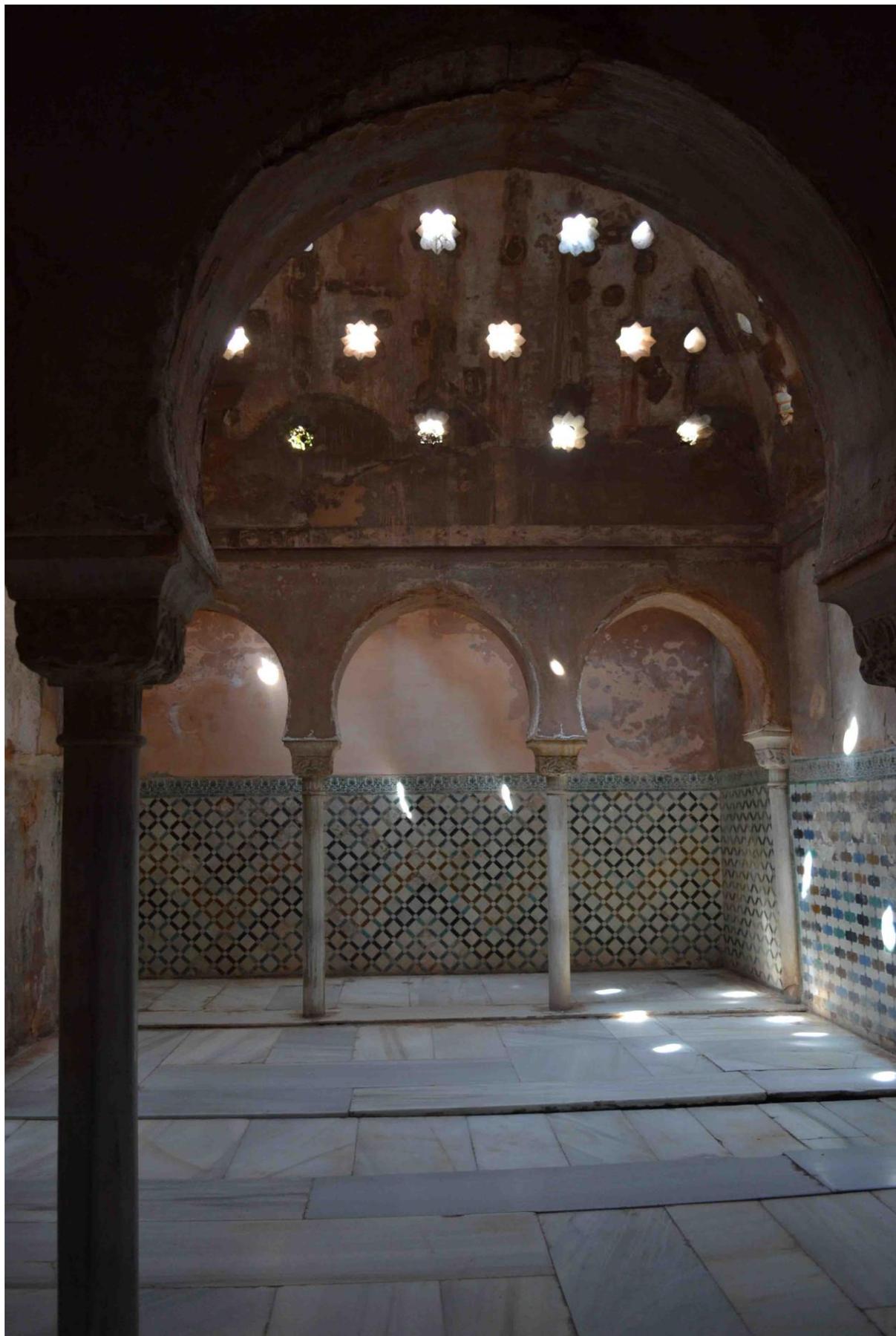

Повторю, что глаза султанши его не видели – в ее время ничто не отделяло балкончик от величественного вида на долину реки Дарро.

Из двора Лндараха можно было войти в Бани Комарес, традиционные арабские бани, сделанные по образцу римских терм. Мы тоже туда заглянули и, хотя на подробный осмотр всех помещений не было ни

времени, ни сил, увидели одно из них, красиво освещаемое через застекленные звездообразные отверстия в куполах:

Позже выяснилось, что такое освещение характерно для всех арабских бань, которые мы видели в Андалусии, и только для них.

Наконец, выбрались на волю – солнце, воздух, цветы и панорамные виды. И жара. Однако дворцы не отпускали – очень скоро они напомнили о себе, и не раз.

Наш путь ко дворцам пролегал по территории Медины, или Верхней Альгамбры - жилой зоны, в которой располагались дома, базары, бани, ремесленные мастерские и мечеть (вместо которой возникла церковь Санта-Мария-де-ла-Альгамбра) и жил обслуживающий персонал дворца. Теперь мы попали в зону садов, лежащую еще выше Медины и называемую «Парталь» (порттик). Тут было так красиво, что мы решили возвращаться именно этой, верхней дорогой, надеясь заодно найти укрытие от зноя.

Издали увидели строение, принятое нами за живописный парковый павильон в окружении зелени и воды:

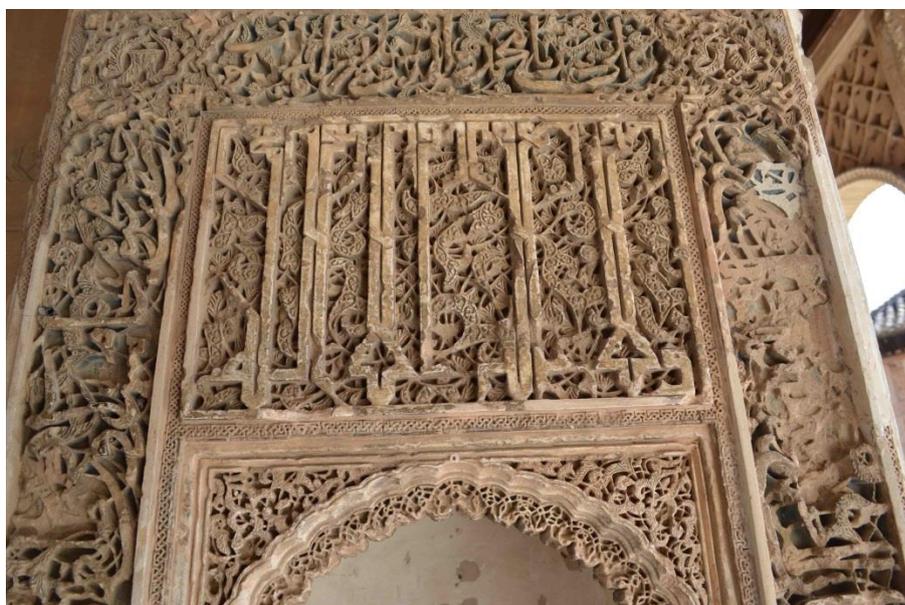
С точки зрения ландшафтной архитектуры это, безусловно, самое прекрасное место Альгамбры:

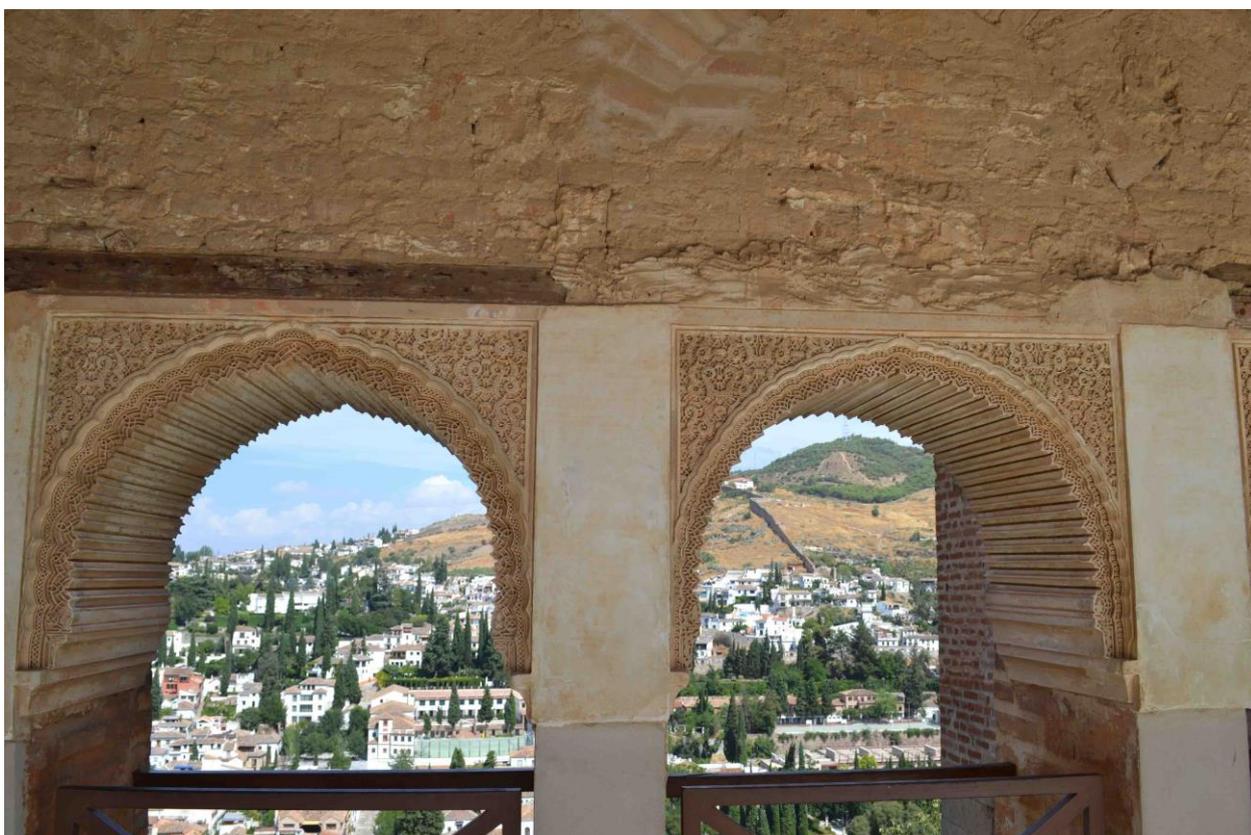
А здание оказалось не павильоном, а остатками дворца **Парталь**, по имени которого и называется эта зона. Он был построен «раньше насридских дворцов — в начале XIV в., при Мухаммеде III. От этого дворца осталось очень немного; наибольшее из его строений — **башня Дам** (*Torre de las Damas*), или **башня Князя** (*Torre del Príncipe*), встроенная в наружную стену. Ее портик с пятью арочными входами выходит к прямоугольному водоему, как и у прочих дворцов».

И вот мы снова во дворце. Его грубая башня со множеством окон, открывающих восхитительные виды, таит внутри необыкновенную прелесть, а отделка

не уступает дворцам.

А декоративный потолок отсюда сложным образом попал в Музей исламского искусства в Берлине.

«По легенде, именно из этой башни к своим восставшим сторонникам бежал будущий эмир Боабдиль».

Выйдя отсюда, мы не обратили внимания на незаметные арабские домики вроде этого:

И зря: Википедия сообщает, что в одном из них можно видеть фрески середины XIV в. с изображением сцен охоты, войны, фантастических животных. Так что прав был К. Верман, когда писал, что исламский запрет на изображение людей и животных, нигде не записанный, а сохраненный только в устном предании, был не строг и то и дело нарушался. Особенно, как я думаю, под влиянием дружбы с христианами (ведь было и такое!). Как знать, если бы арабов не крестили насильно и затем не изгоняли бы, глядишь, они частично сами бы перешли в христианство и ассимилировались... Во всяком

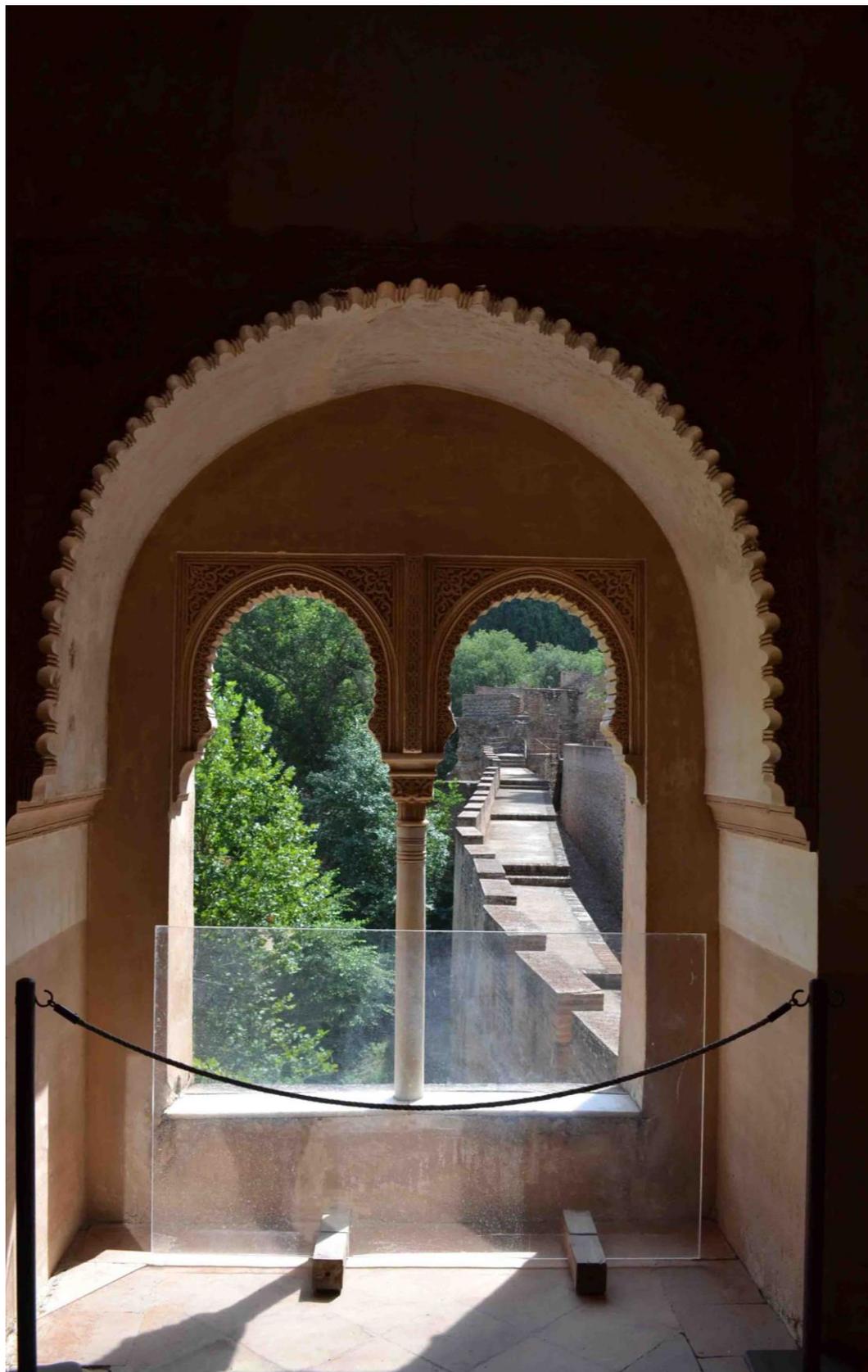
случае не превратились бы со временем в террористов, убивающих всех подряд.

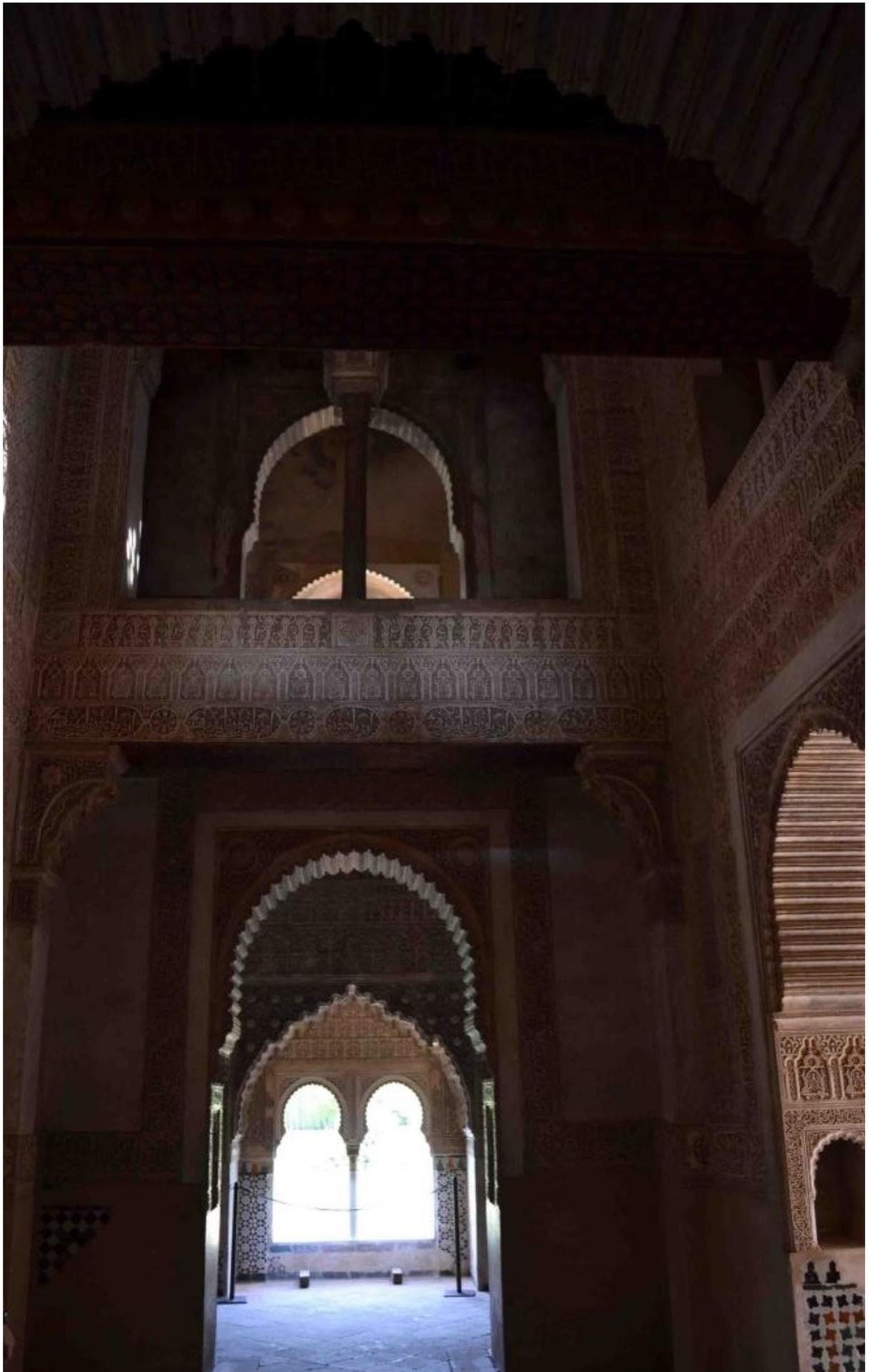
Тенистая дорожка над огородами привела нас сначала к крепостной стене, а затем и к башне, отличающейся от соседних только едва заметной конической нашлепкой.

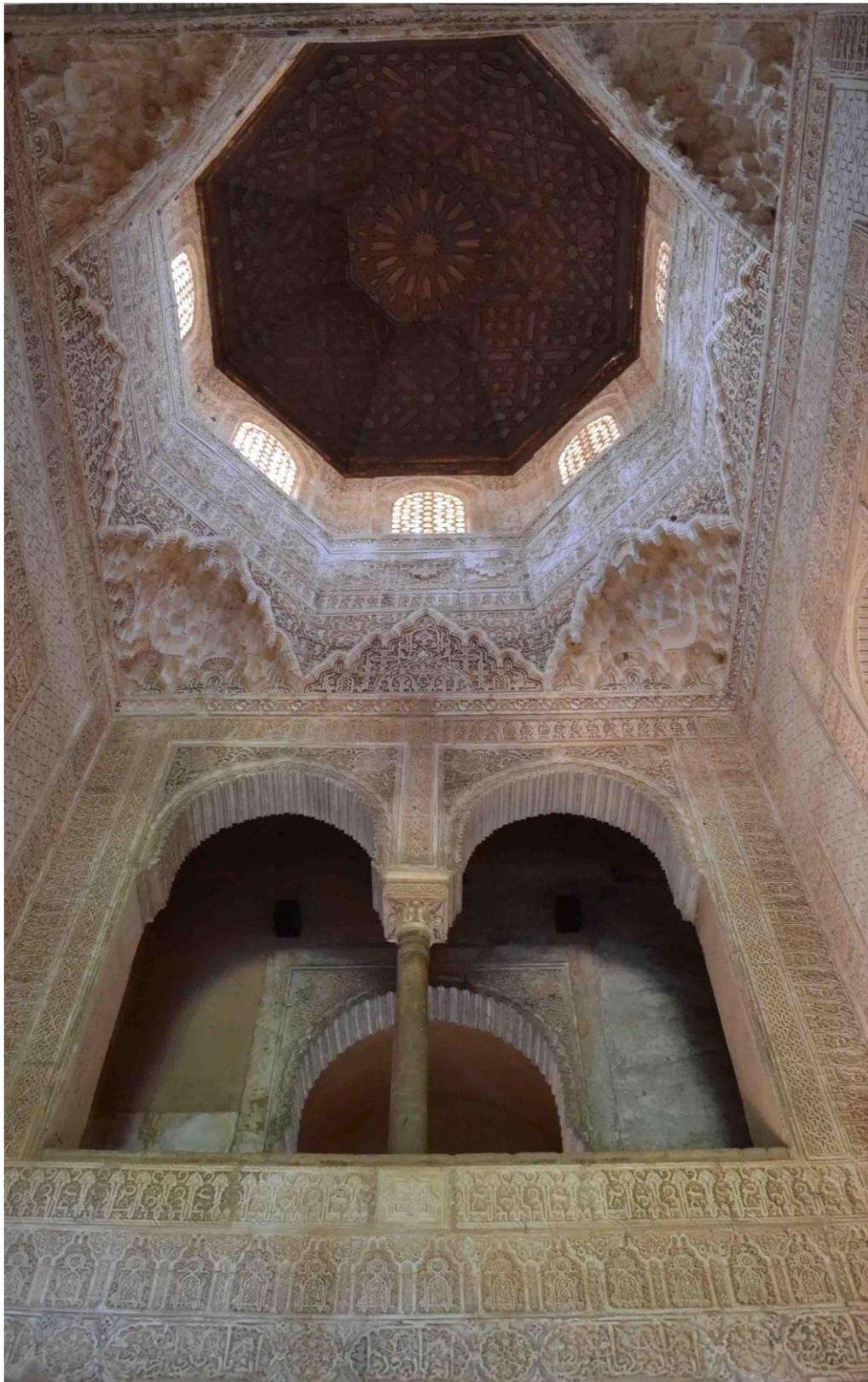

Это – башня Михраба, или молельня. Она была открыта, и – снова восторг:

Отсюда мы уже спокойно добрались до конца территории Альгамбры, проходя мимо других башен, про которые путеводитель сообщает разные исторические сведения, но которые зрительного впечатления, кроме ощущения древности, не оставляют. Здесь предстояло сделать выбор:

спуститься с горы в исходную точку (к кассам), где прямо в стене крепости расположен чудный магазинчик сувениров, а над ним – ресторан, в котором можно было пообедать, и потом снова лезть на противоположную гору в сады Генералифе, или пройти туда по крепостному мостику, под которым мы проходили ранее, не спускаясь вниз, а пообедать уже потом. Есть, конечно, хотелось всем, но перспектива лишнего подъема Юрку не вдохновляла. А я побоялась, что после обеда мне двух мужиков в гору уже не поднять. А побывать там очень хотелось: все сайты и путеводители переполнены восторгами от вида садов султанши, да и билеты были уже оплачены. Так что мы предпочли второй вариант.

Генералифе

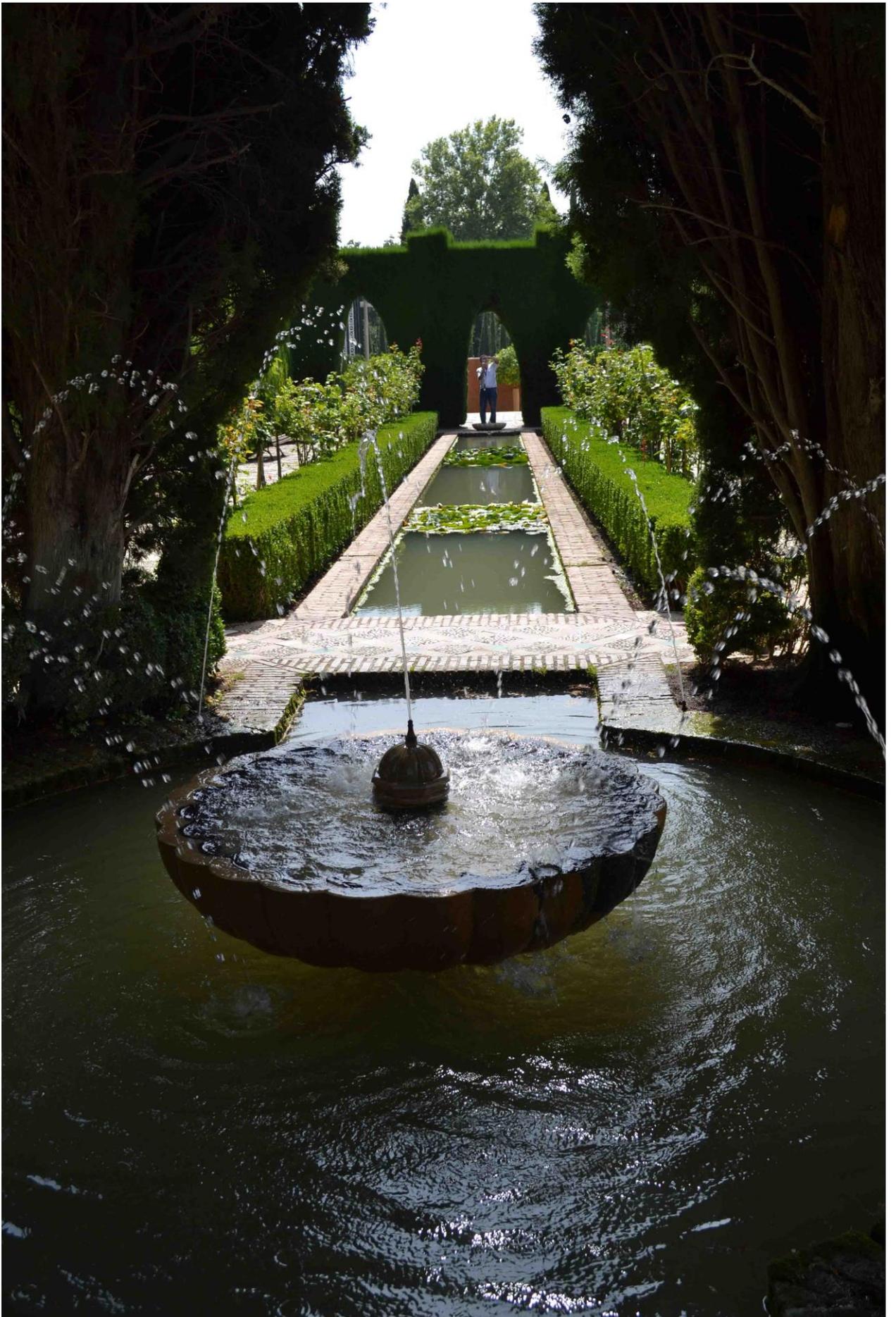
Путеводитель сообщает, что этот **небольшой мавританский летний дворец Генералифе («сад архитектора»)**, господствующий над холмом Альгамбры на 60 метров выше него, на соседнем холме Соль, был местом отдыха **насридских эмиров**. Можно подумать, что во дворцах Альгамбры они тяжело трудились, а здесь – отдыхали от трудов. На самом деле понятно, что подразумевается: это был дворец султанши (или султанш?). Во всяком случае, женское царство. Он был сооружен в XIII в. и перестраивался в начале XIV в., при Мухаммеде III. **«В 1319 г. там построили обзорную башню»**. Но в любом случае **«Он на пол-столетия старше этого замка» (дворцов Насридов)**.

Прошли краем леса, потом мимо летнего театра и очутились в месте, ради которого и шли – Верхних садах Султанши, включающих Водный дворик, или Дворик канала, «где красиво бьют фонтаны».

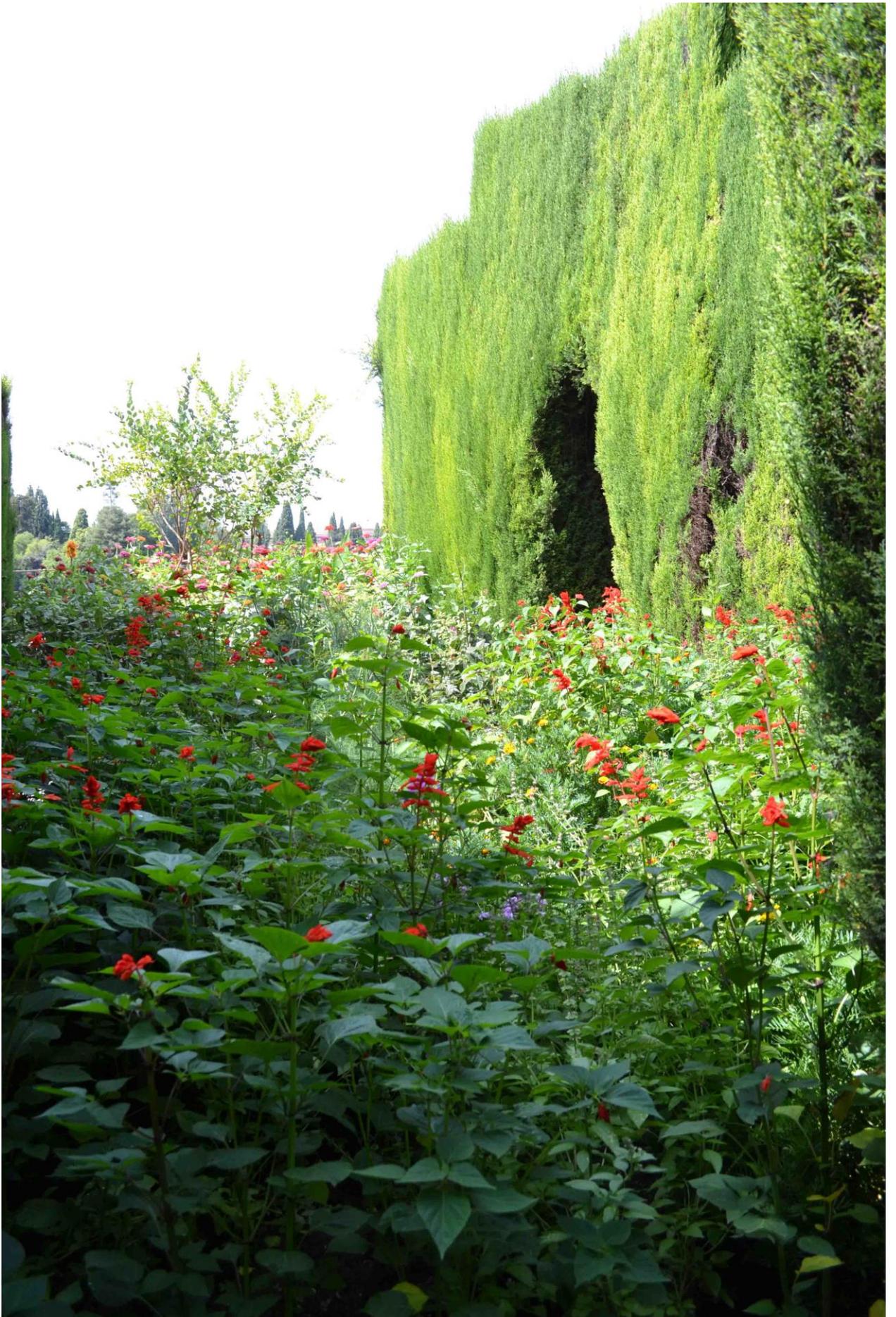

Насчет того, что фонтаны «бьют», это громко сказано, но тоненькие струйки действительно красиво поднимаются:

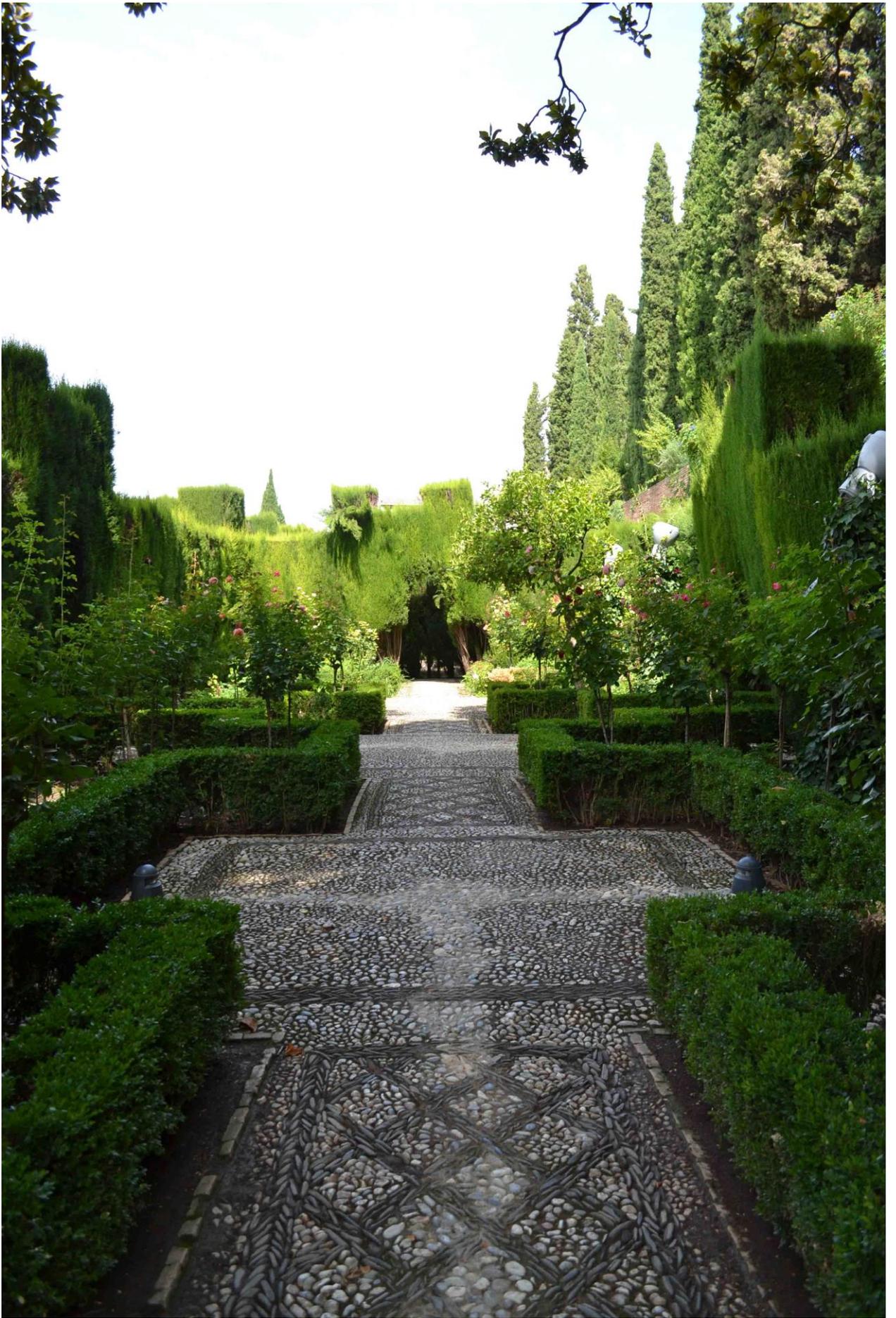

В отличие от ренессансных фонтанных парков, начиная с Тиволи, не говоря уже о более поздних, здесь нет ничего, рассчитанного на внешний эффект. Все – «для личного употребления» - для покоя и уединения. Для последней цели служат и вот такие «комнаты», образованные подстриженными кипарисами, в которых, как заботливо предупреждает табличка у входа, можно потеряться:

Дорожки, выложенные галечной мозаикой, привели нас ко дворцу:

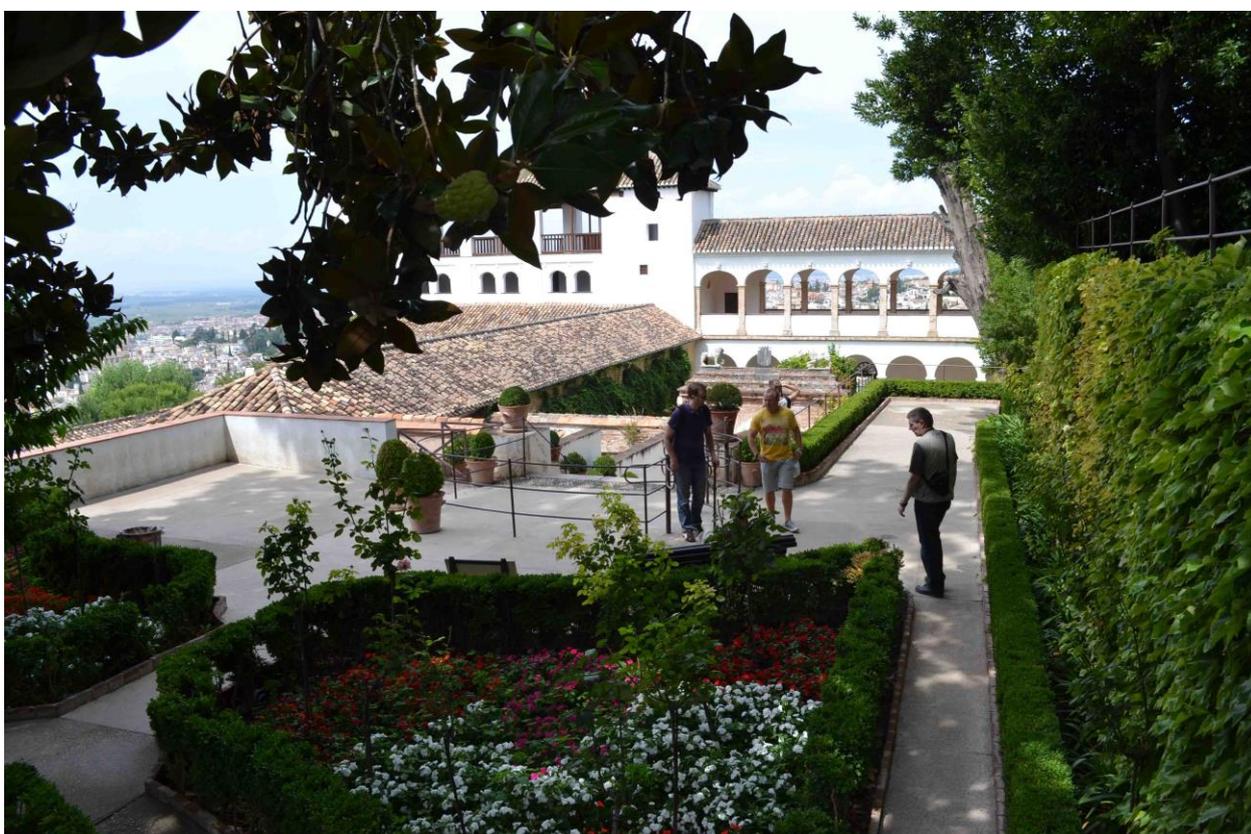
Никакие интерьеры здесь не демонстрируются, только прелестный кружевной портик, каких мы уже видели во множестве:

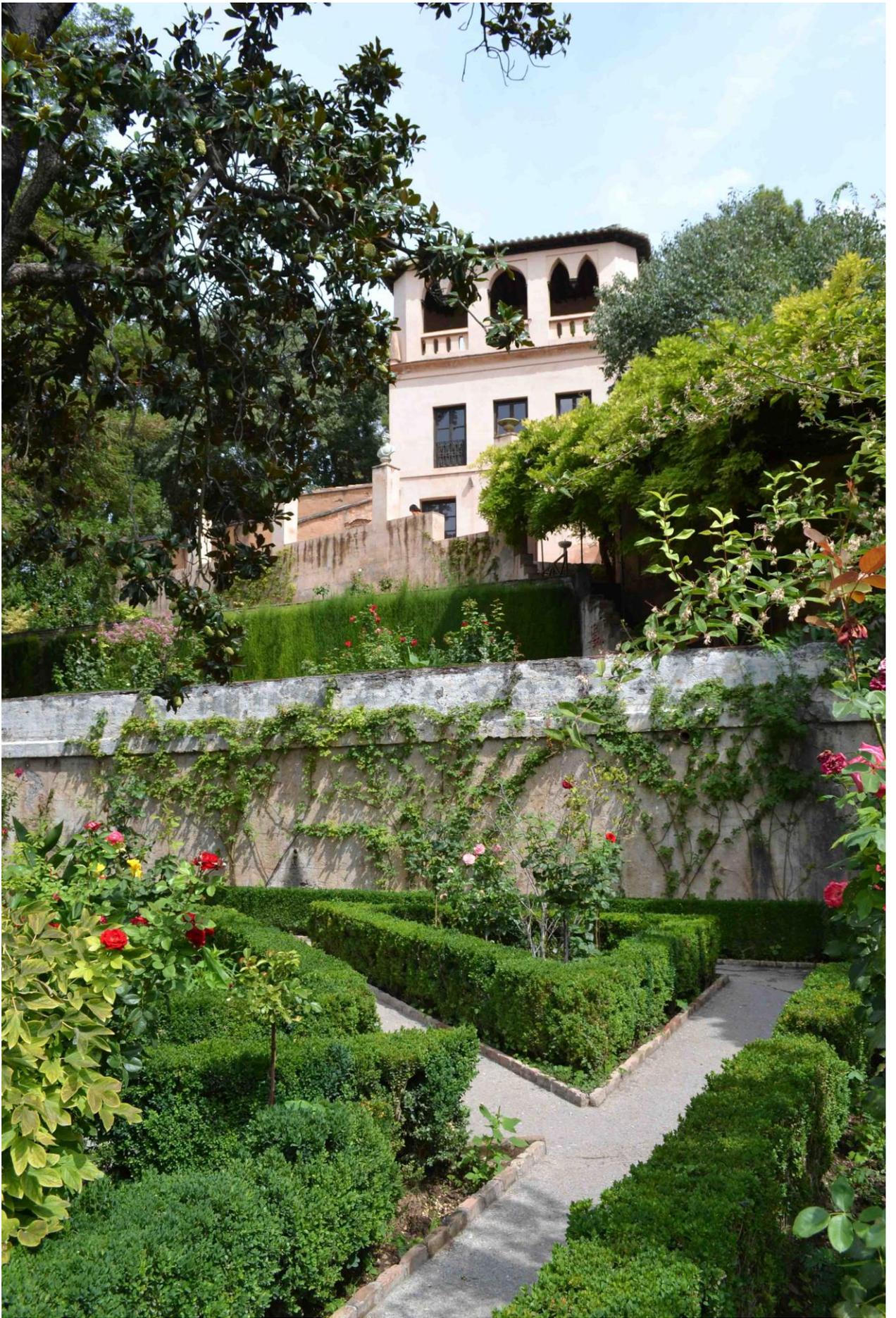

От бокового канала широкая лестница ведет к смотровой площадке – мирадору. Габсбурги и здесь отметились – видите львов на воротах?

Отсюда открывается восхитительный вид на весь комплекс:

«Галереи на арках, стрельчатые ворота, альковы, балконы придают и этому сооружению живописную прелесть».

А еще отсюда можно охватить взглядом всю Альгамбру:

На переднем плане, чуть правее центра – дворец Парताल, за ним – дворцы Насридов: справа – башня Комарес, слева, после группы кипарисов – дворец Львов с куполом над залом Абенсеррахов, на дальнем плане справа – Алькасаба, в центре – дворец Карла V, слева – церковь Санта-Мария.

Вот и все. Спустились по тенистой аллее и устроились на обед в ресторане, приютившемся на верхах Альгамбрской стены, с чудесным видом на лесистый склон горы Соль. Ресторан был полон, но столик для нас нашелся:

После отдыха дома я предложила погулять по району Сакромонте, расположенному на нашей стороне холма рядом с Альбайсином. Там с XVI в. в пещерных жилищах обитали цыгане, а позже – арабы, вытесненные из Гранады (из города) христианами. Район интересен тем, что сохранил эти пещеры, в которых, проведя туда воду, электричество и интернет, до сих пор живут люди, довольные, что не страдают от жары (пещеры сохраняют постоянную температуру при любой погоде). Там еще есть и монастырь с музеем-пещерами, которые обычно посещают по вечерам...

Однако идея не встретила понимания у моих спутников, и остаток дня мы провели кто на балконе, а я – во дворике, сортируя фотографии и предаваясь размышлениям.

Альгамбра доставила мне мощное эстетическое удовольствие. Такое, как любимая музыка. Почему так происходит, понять невозможно: явная избыточность украшений (тут Юрка прав) в этом случае вызвала у меня восторг, а такая же избыточность в случае украшений барочного стиля обычно вызывает отвращение? Точно так же невозможно объяснить, почему наибольшее наслаждение я получаю от музыки барокко и классицизма, а более поздняя, за некоторыми исключениями, оставляет меня равнодушной или вызывает раздражение. И почему музыка барокко и классицизма вызывает глубокий эмоциональный отклик, а архитектура и живопись тех же эпох – в лучшем случае чисто внешнее рассудочное восхищение.

В случае Альгамбры попробую, однако, объяснить, почему она так понравилась мне, а моих спутников, похоже, оставила равнодушными. Вот и тот путешественник, который восхищался церквями Гранады, с детским восторгом описывал Алькасабу, а во дворцах Насридов – скучал.

Дворцы очень женственны. Женственны изгибы их изящных арок, а все элементы декора вызывают ассоциации с предметами, доставляющими удовольствие женщинам – коврами, скатертью, бахромой, кружевом... Поэтому и восхищаются ею преимущественно женщины. Но строились-то они для мужчин! По заказу и в соответствии со вкусами султанов, а не султанш, мнение которых вряд ли имело решающее значение. А если мужчины-правители обладали женским вкусом, то, вероятно, что-то мужское в их характере было утрачено. Недаром везде написано, что династия Насридов в конце своего правления до того обленилась и изнежилась, что не смогла дать отпор христианским завоевателям. Тот факт, что и Юрка, и Игорь, который вообще ни слова не произнес, остались равнодушны к этой роскоши, следовательно, говорит о том, что в их характере таких изменений не произошло, и в случае чего они сумеют защитить своих женщин. Что меня вполне устраивает.

К Боабдилу, или, по другому, Мухаммаду XII, последнему эмиру Гранады, это, однако, не относится. Отделка дворцов завершилась, когда он бы еще ребенком, при его отце, которого он сверг в ходе восстания, в результате чего и получил власть. Его бурная биография описана в Википедии

– у него было совсем мало времени для покоя и созерцания. Он, едва придя к власти, воевал с испанцами, попал в плен, из которого освободился только через три года, после смерти отца, шел на уступки королям... Но было уже поздно. Мужественности отца, султана Абуль-Хасан Али, хватило только на то, чтобы наплодить детей от бывше-христианской наложницы и поубивать поодиночке 37 человек, приглашенных на праздник. Цели своей – передать престол младшему, от наложницы, сыну - он не достиг и проиграл не только династический спор, но и весь халифат, о защите которого от внешней угрозы, похоже, никто не позаботился, не до того им было. Так что пока они решали семейные проблемы, сын воевал с отцом, войска Кастилии и Леона набирали мощь, силу и опыт. Время было упущено, так что династические проблемы потеряли всякий смысл.

А Боабдил, как говорят, плакал, когда в последний раз смотрел на покинутый Красный замок - Альгамбру - с перевала, называемого теперь Вздохом мавра. И его можно понять. А его мать, обладавшая как раз вполне мужским характером, подстрекательница и вдохновительница всех его подвигов, как гласит легенда, произнесла: «**Оплакивай, как женщина, то, что не смог защитить, как мужчина!**».

Возможно, Боабдил погиб, сражаясь в Северной Африке в 1527, хотя, по другим сведениям, он прожил там в бедности до 1538.

Не надо так уж в лоб воспринимать нашу с Игорем «эмоциональную тупость», на которую так прозрачно намекает Танька. Во-первых – разница темпераментов, а у нашего друга он равна корню квадратному из любого из наших с Танькой, во-вторых, существенно более «любительский», чем у Таньки уровень восприятия специфических архитектурных черт, а в-третьих... Да – ощущение избыточности, перебора, арабской рококошности. В какой-то момент понимаешь, что – да, вот этой тончайшей вязью покрыты сотни или даже тысячи квадратных метров, наверное, эти арабским письмена наполнены каким-то смыслом, которого я, однако, не понимаю, и когда переходишь из зала в зал и видишь эту

бесконечную вязь, перестаешь потрясаться. Да, красиво, эффектно, но не совсем понятно – зачем столько...

И еще одно соображение – вот все эти неумеренные гомерические красоты – они же, ей-богу, великий признак! Как только государство начинает вырождаться и разлагаться морально, так сразу возникают титанические проекты архитектурного и декоративно-прикладного искусства. С точки зрения исторического наследия нации, из которого можно извлекать туристические дивиденды – очень полезно, с точки зрения сиюминутного состояния – симптомчик..., который и оправдался.